Марк Бойков

Конспект истории и патология общества

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Данная книга-эссе Марка Бойкова, философа по образованию и личному призванию, является продуктом глубокого изучения природы, общества и человека в марксистско-ленинском формате на протяжении всей своей жизни. Неоднократно битый карьеристами, завистниками и просто подлецами, он сохранил свою верность учителям и простым людям ради их позитивного развития и гармонизации жизни на Земле.

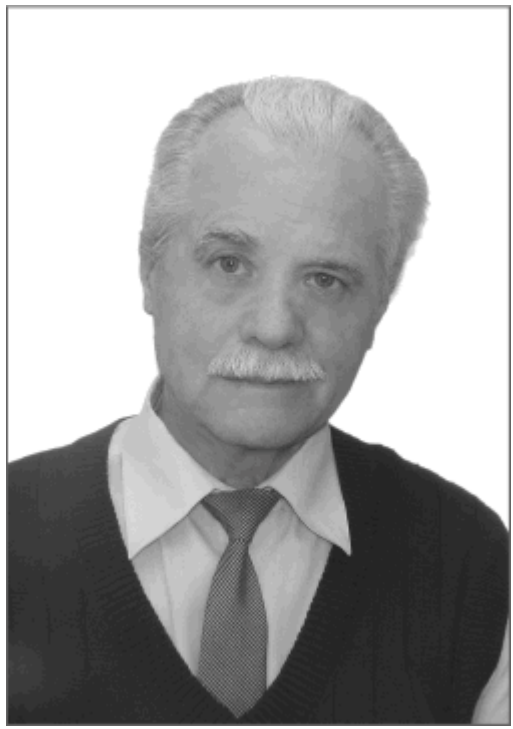
- Марк Бойков
  -
  - Бойков Марк Васильевич

Марк Бойков
Конспект истории и патология общества

© Марк Бойков, 2017
© Интернациональный Союз писателей, 2017

* * *

Бойков Марк Васильевич



Уроженец с. Писцово Комсомольского района Ивановской области. 12 сентября 1938 года.

Учиться начал в г. Иваново в семье отца, инвалида войны 1гр. и опекавшей его медсестры, мачехи для меня. В 1950-м после 3-го класса школы поступил в Горьковское СВУ, которое в связи с переводом окончил в Москве в 1958 г. и был направлен в Одесское высшее общевойсковое командное училище. В 1960-м был демобилизован из рядов Советской Армии. Профессиональное образование получил на философском ф-те МГУ им. М.В. Ломоносова, 1961–1966 гг., работал далее преподавателем философских дисциплин в Волгограде и Москве. Вырастил сына. За безупречную работу дворником, по совместительству, награжден медалью к «850-летию Москвы».

1. Не всё смешалось в нашем доме. В дальнем углу, средь куч догматического и либерального мусора нашлись два бриллианта. Это связки книг – Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса и Полное собрание сочинений В.И. Ленина. В смутное время Б. Ельцин приказал списать и выбросить классиков из библиотек высших

учебных заведений. И мне повезло: в одном из подмосковных вузовских филиалов, где я вел семинарские занятия, мне их просто подарили! И в три приема я вывез их в свои две комнатки в списанной дворницкой квартире.

Повезло в том смысле, что при хронической нехватке времени, работая с утра дворником на Пятницкой и почасовиком с вечерниками, живя отцом-одиночкой с сыном, мне не надо было ходить по районным читальням. Все у меня было под рукой, и я с удовольствием закрывал белые пятна, пополам с неясностями, в своем университетском образовании.

Неясностей было много, хоть учился я в самом высшем из учебных заведений страны, МГУ им. Михайлы Ломоносова / говорят, побочного сына Петра Великого; также, впрочем, судачат и об Иосифе Джугашвили, якобы случайном последыше путешественника Пржевальского/.

Чтобы разобраться в неясностях, любых, надо разобраться, с чего всё началось. Не только с тем, что у тебя под носом, но и с тем, с чего всё возникает в мире. Потому что то, что происходит у тебя под носом, каким-то образом связано с тем, что творится вокруг до небес и далее.

2. Вот физики объясняют, что все началось с Большого Взрыва. Ерунда! Не более чем метафора. Материя вечна и бесконечна и лишь меняется в своих формах. Сводить материю к веществу, одному из видов ее, неверно. Было время, когда вещества не было. А материя, в неведомых нам формах, была. Поэтому отождествлять вещество и материю – ошибка. Возможна аннигиляция вещества, но не материи. Вещество лишь часть ее, одно из следствий ее безграничного развития через смену форм и состояний.

Мир вообще никем не создан. Он непрерывно развивается и видоизменяется. Его развитие и есть его постоянное рождение. Рождение и развитие мира попросту совпадают в постоянстве изменений в процессе движения материи во времени и пространстве. Поэтому всё видимое и познанное не есть извечная картина и навсегда.

Но с чего начать сегодня, если не с «Большого Взрыва»? Пожалуй, с наиболее сложного представителя окружающего нас мира. Это – ***Человек***.

Почему?.. Живое всегда сложнее мертвой материи. А из живых существ именно человек наиболее развит в пределах видимой природы.

Он не просто отражает, познает, он еще и изменяет мир, пытаясь его усовершенствовать, по законам самой материи и даже

по своим этическим и эстетическим меркам, т. е. по собственному хотению, по своему разумению, что животным не писано, не дано.

3. Однако, самого – подлинно Человека с большой буквы, – еще нет. Он на 70–90 % – животное, а порой и на все 100. Он продвинут больше по внешней форме, по видимости, нежели по существу, продвинут по независящим от него причинам. Развитие его очень неустойчиво, и результат далек от совершенства. Он продолжает развиваться, но люди сильно поторопились объявить себя Homo-sapiens как состоявшийся и завершенный вид. Находясь в окружении себе подобных, они часто выступают в полном контрапункте друг к другу, во взаимоисключающих позициях, состоя во враждебном антагонизме.

Вспомните разгул территориальных и религиозных войн по Европе. Всмотритесь в недавнее прошлое Германии, в бытность ее фашистской. Или в нынешнюю мутацию киевской Украины. Попробуйте вглядеться в лица воинствующих националистов в Одессе или закрытое лицо палача «ИГ», отрезающего голову жертве. И при этом они сознают себя вершителями людских судеб, присвоив себе некое верховенство права, суда и расправы, испытывая при этом садистское удовольствие от безнаказанности, вовсе не свойственное животным. Проблема оказывается в том, что далеко не все человеки среди человечества действительно являются людьми. Отсюда и вопрос: что является критерием подлинности человека?

4. Древний грек Платон нашел в человеке «душу» и «тело». Наличие «души» стало отличием человека от животного. Христианство на пороге нового летоисчисления закрепило эту точку зрения, которую, благодаря уже литературе и искусству, ныне исповедуют едва ли не все люди: ученые и неученые, идеалисты и материалисты, и даже дуалисты и нигилисты.

Выделить что-либо полезное сегодня в платоновской формуле довольно сложно. Душа и тело есть у всех людей: у доброго и злого, праведника и подонка. Но как стройное тело ничего не говорит о добродетельности его обладателя, так и душа, могущая притворяться и любезничать, порой изящно маскирует морального уродца.

Француз-гуманист Вольтер в трактате «Сомнения по поводу человека» высказался весьма витиевато, но вполне внятно для достаточно умных: «Итак, в добрый час люди были разделены на два класса: первый – люди божественные, жертвующие своим себялюбием благу общества; второй – подлый сброд, влюбленный лишь в самого себя; весь свет хотел и хочет в наше время

принадлежать к первому классу, хотя весь свет в глубине души принадлежит ко второму…» /Сб. «**Человек**: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии». М., Политиздат, 1991, с. 308/.

К критерию подлинности человека ближе всех подошел Карл Маркс. В известном принципе будущего коммунистического общества: «Каждый по способностям, каждому по потребностям!» /Соч., т. 19, с. 20/ – он выделил главное: противоречивое единство между *способностями* и *потребностями*, созидательным и потребительским началами. Эти начала и есть отправной посыл каждого из людей.

А чем занимается общество в своей основе? Производством и потреблением. Опираясь именно на способности и потребности людей.

5. Без них оно не может обойтись ни в производстве, ни в потреблении. То есть основное противоречие человека попросту совпадает с основным противоречием всякого общества. Общество поэтому вторично по отношению к человеку. Не общество породило человека, а человек создает соответствующее себе общество в отношениях между собой.

Тогда естественно спросить: а откуда основное противоречие взялось в человеке? Нет большой тайны и здесь. От природы, той самой, в которой он обитал и которую ныне попирает. Всякая живая особь в природе: микроб, растение или животное – представляет собой единство приспособительных задатков и органических потребностей, развитие которых во взаимодействии обеспечивает ей самосохранение и прогресс вида в целом.

Если мы продолжим логику основного противоречия человека, то неизбежно придем к выводу, что и неживая природа развивается по тому же закону: ничто в мире не возникает, не создается иначе, как через употребление, поглощение чего-либо извне, для той же цели состоя и для других. Вспомните закон сохранения материи и движения, по Ломоносову-Лавуазье: «Сколько в одном месте убудет, столько же в другом прибавится».

Поэтому и Человека мы можем понять только в качестве продолжения Природы и Общества, но не как нечто привнесенное в них, якобы со своим законом, со своей тайной. То противоречие, которое мы в нем обнаруживаем, является *сквозным, стержневым противоречием всей, живой и неживой, материи*, но на более высоком уровне, в более развитой и потому более конфликтной форме, где *созидание* и *потребление* предстают уже в крайней обособленности и антагонизме своих функций.

6. Да, мы произошли от животных, может, двух-трех близких человекоподобным приматам ветвей, по закону естественного отбора /Ч. Дарвин «Происхождение человека и половой отбор» (1871)/. При этом на формирование вида наш предок потратил около 4–2,5 млн. лет, тогда как на отпочкование ему понадобилось 45–40 тыс. лет. И завершающая фаза, надо заметить, не отделилась от исходной, а пребывает в ее рамках.

Короче, происхождение держит нас в лоне творения, не отпуская от своих корней. Об этом лучше других поведали нам Б.Ф. Поршнев /«О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии». М., изд. «ФЭРИ-В», 2006/ и его последователь Б.А. Диденко /«Цивилизация каннибалов. Человечество как оно есть». М., ТОО «Поматур», 1999; «Хищная власть. Зоопсихология сильных мира сего». М. «Полиграфресурсы», 1997 и др./.

Мы думаем, что мы люди, а на самом деле от зверья мы ушли очень недалеко и постоянно рискуем свалиться в невозвратный колодец, «черную дыру» или еще какую-то яму Космоса. Причем, больше всего эта опасность исходит от правителей, желающих жить в элитарном достатке независимо от заслуженности и общего уровня жизни.

7. Ученые назвали свою концепцию ***этической антропологией***, но правильнее было бы назвать – ***этической анатомией человечества***. Ибо найденные подвиды человеческого семейства – это не ископаемые, они живы и постоянно воспроизводятся. Суперанималы (злостные хищники), суггесторы (расчетливые приспособленцы), диффузные (аморфные трудяги), неоантропы (творческие гоминиды). Все они означают разные способы самоутверждения и отъема благ у сообщества, ведущие свою родословную от приспособительной практики далеких предков.

То потребительское начало, которое заложено природой, властвует в человеке и поныне – в большинстве статистической массы. То есть человек рождается потребителем, его способностям еще только предстоит развиться. Поэтому присвоение им благ происходит под диктовку врожденной шкалы запросов и приемами, вписанными наследственностью, не всегда согласующимися с общими правилами. Человек поэтому воспроизводит одновременно и стадо, и общество, инстинктивно адаптируясь в зависимости от ситуации и активности того или другого начала. *Его фактура в своих ипостасях, смещаясь в ту или другую сторону по закону самосохранения, приноравливается, часто незаметно для него самого, тяготея в большей мере к заложенному природой, нежели развитому обществом порядку.*

Семья в этом случае, не сознавая проблему, ориентирует и тренирует своих чад в плане собственной врожденно-потребительской парадигмы, обучая их не самоограничению, а повышенной потребительской активности, вплоть до агрессивности, ради самоутверждения.

8. Как же складывалась предыстория и история человечества, и что мы имеем в результате под именем Человек? Предыстория – это миллионы лет, история – тысячи. Предыстория – это вычленение биологического вида из общего природного ряда. История – это формирование вида на качественно новом уровне, на основе собственного регулятивного кода.

Этот регулятор – не мышление, как многим кажется. По-своему «мыслят» и животные, в рамках своей рефлекторно-сигнальной системы. Наш родоначальник поэтому – не **homo-sapiens**, а **homo-creative**. Породила нас не мысль, запечатленная в слове (звуковое общение свойственно и животным). На новую ступень нас подвигла эвристическая творческая способность, приведшая к изобретению каменного топора.

Увязав камень и палку, которыми наш предок пользовался прежде по отдельности, он создал орудие, которого в принципе не было в природе. Это его орудие и стало ключом к его будущему восхождению. Мы не появились бы на свет, если б не вспыхнувшая в мыслительной деятельности именно позитивно-поисковая способность. Поэтому и гордиться надо не мыслительной способностью, которая, как известно, имеется у всякого дурака, независимо от навешанных на него регалий от кандидата до доктора наук, от директора до премьера, а – ***творческим даром***. Чего стоит твое звание, если ради выгод положения ты предаешь истину?

9. Человек выделился из природы изобретением орудия, заменившего ему когти и зубы. Связав камень и палку, он получил топор, удливший его руку. Многообразие применений топора в защите, нападении, других действиях сделало ее более универсальной, противопоставив в ладони большой палец остальным четырем.

Взаимодействие с орудием развивало и мозг. Это был спонтанный процесс, расширявший одновременно и сферу применения орудия.

Представим себе: община, мигрируя, натолкнулась на глубокий ручей. Взрослые могут его перепрыгнуть, но дети и старики – нет. С помощью жестикуляций и гортанных звуков принимается решение свалить два дерева, растущих на берегу,

чтобы по ним переправиться на другой. Наиболее сильный мужчина вооружается топором и начинает долбить по стволу.

Работа идет медленно. Одного «рубщика» сменяет другой. Дерево у корня мочалится /т. к. поняли, что рубить выше неэффективно: дерево пружинит, топор отскакивает/. И вот от усталости один из рубщиков, возможно со злости, берется не за ручку, а за головку топора и не бьет им, а трет по стволу. И замечает, что работа пошла быстрее. Эврика! – кричит человек, хотя до греческого языка еще очень далеко.

Что тут произошло?

В функции топора, вернее в его зазубринах найдена еще одна ипостась – возможность пилы! И с течением времени, помимо топора и рядом с ним, появляется и пила. Так же отделяются от топора молот, молоток, палица. А в его заостренности и шероховатостях обнаруживается возможность отделки поверхностей, лодки, например, и прочие приспособления.

Что мы видим в обратной ретроспективе орудийного творчества?

Бесконечное дробление первичного орудия, с отделением от него множества функций и закреплением их в специализированные орудия. Все или большинство современных орудий – рубящих, строгающих, режущих, колющих, пилящих, в целом обрабатывающих – все это отделившиеся осколки пра-топора, превращенные в специализированные орудия, которые с развитием наук и технической революции начали обратный процесс: соединения их в единое орудие – автоматизирующееся производство. То есть, возврат к тому, с чего все началось, только на новом уровне.

Изобретение и творчество орудий породило человека, а продолжение этого процесса поднимет его на новый качественный уровень. Если… затаившийся в нем хищник-потребитель не затопчет в нем человека.

10. Выделяясь в собственные стаи, превращающиеся в устойчивые сообщества, предок наш производит в совместных трудах все новые и новые орудия и, расширяя сферы их применения, меняет образ жизни. Орудия добычи превращаются в орудия производства. От охоты люди постепенно приходят к приручению и одомашниванию животных. Причем, большую роль в этом вероятнее всего играли дети, защищая детенышей зверья и птиц от поедания, из жалости или ради игр и забав с ними. От собирательства ягод, плодов, семян, корнеплодов они также переходят и к одомашниванию растений посредством оберегаемых зарослей и посадок, возле которых возникают

отдельные жилища, далее разрастающиеся в поселения.

С появлением скотоводства и земледелия, таким образом, в дополнение и взамен охоты и собирательства, места обитания предка расширяются. Постепенно люди переходят к оседлости, строительству поселков с укреплениями, первоначально от хищников, а в дальнейшем и превращению их в города, окруженные защитным частоколом, рвами, а в последующем и заградительными стенами от соперников.

Через труды Л.Г. Моргана и других авторов этот период становления человечества будет осмыслен Энгельсом и Марксом как первобытно-общинный строй. Что более детально изложено в работах Ф. Энгельса: «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» /К.М. и Ф.Э. Соч. т. 20/ и «Происхождение семьи, частной собственности и государства» / Соч. т. 21/.

Нет смысла пересказывать их. Нам более необходимы акценты в уяснении процессов становления и развития общественной жизни при нарастающей численности народонаселений на Земле.

11. Итак! Было время, когда наши предки не очень отличались от окружающего зверья, но когда /кто-то был первым!/ они изобрели каменный топор и овладели огнем, получая его от природы – вулкана, грозы, пожара – или трением, или высечением камня о камень, они начали выделяться и, соответственно, консолидироваться родами. Возник первобытно-общинный уклад. Это был качественный скачок в развитии вида – на миллионы лет.

У него были две, очень длинные стадии: первая низшая, по Энгельсу, – период «ДИКОСТИ» или период **первобытного коммунизма**, в условиях которого было лишь естественное, ***природное***, по полу и возрасту, разделение труда. И вторая, высшая – период «ВАРВАРСТВА». Его бы следовало назвать периодом расцвета **первобытного социализма** поскольку в это время происходит становление и развитие ***социального*** разделения труда, поднявшего людей над животными. Границы их размыты, но по результатам мы можем судить о процессах, происходящих тогда.

Как и в раннюю первобытность, здесь люди трудятся сообща. Но происходит выделение общин по трудовой специализации. Скотоводы отодвигают охотников на периферию. Собиратели, живущие плодами природы, отступают перед активными земледельцами. В расширяющихся поселениях зарождаются ремесла, занимающиеся гончарным делом, изготовлением орудий, одежды, предметов домашнего обихода, украшений и

т. п., что, по сути, означает начатки ремесленного производства.

Так ***роды*** по крови постепенно превращаются в ***слои*** по виду трудовой деятельности. Утонченное мастерство приводит и к выделению ***личности***. От шаманов, предвестников верований; вождей и старейшин, хранителей правил и традиций; художников, пробующих изобразительные средства, – один шаг к абстрактному мышлению, выделению ***роли умственного труда*** и его возвышению над видовым разнообразием физического. Практически складывается общество со своим базисом и надстройкой.

12. Далее обозначается **первый переходный период**. Неизбежный, объективный процесс, участники которого, чувствуя перемену, не сознают отдаленных последствий своих действий. Они уже поняли, что труд более продуктивен для жизни, чем охота и собирательство. И времена с платформы миллионов лет, устремляются в тысячелетние потоки. Еще нет летоисчисления, но всё приходит в движение от намерений и воли людей.

С углублением разделения и специализации труда эффективность его резко возрастает. В результате возникает излишек производимого продукта. Следом – обмен излишками. Первоначально – на границах, между родами, осуществляется отдельными умельцами, далее – уже внутри общин, между семьями и лицами, по договоренности.

Обмен означает утрату власти над продуктом. Это ведет к накоплению его, сначала – случайному, а затем – и преднамеренному, в отдельных руках. Из чего возникает имущественное неравенство. Слои по роду занятий распадаются внутри на слои по имущественному цензу: на богатых и бедных. Богатые диктуют условия и занимают в верхи общества, что создает неравенство социального положения между людьми.

Неравенство углубляется также от стычек и войн с соседями. Войны, ведшиеся раньше за самок /не за территорию, территорий хватало, а вот кровосмешение ослабляло род, к тому же, чужие женщины желаннее привычных/, теперь ведутся за пленников. Пленные, жившие и работавшие прежде на общих основаниях с коренными, теперь распределяются по семьям с учетом возможности прокормить их. Отныне они заняты больше не на общих работах, а в приютивших их домах. Там они превращаются в постоянных работников, которым передается весь семейный и наиболее тяжелый труд. Возникает институт рабства.

Думать, что при зарождении человечество купалось в крови, неверно. Кровь польется, когда, разъедаемое богатством, оно начнет непрекращающуюся битву за его умножение. С

возникновением рабства происходит ускоряющееся обнищание рядовых членов общин и, за долги, их последующее превращение в рабов, более тяжкое, чем для пленников.

По историческому значению, это – ***коренная ломка сложившихся производственных отношений***: распад общинной собственности и превращение ее в частную, а значит, изменение и переход от бесклассовой структуры общества к *классовой*, а следом, и падение общинного самоуправления перед *властью богатеев*. Так расколом общества на классы отметился взлет к так называемой «***цивилизации***», по существу, порочной. Он длился чуть более 40 тыс. лет.

13. С возникновением имущественного неравенства – в результате разделения труда и обмена продуктами – в людях с новой силой проснулся животный эгоцентризм. Если прежде он диктовался пищевым рефлексом или инстинктом самосохранения, то отныне двигателем его становится страсть к наживе, увеличению личного, вне общественных отношений, достояния. Эта борьба усиливается тягой к господству, что есть продленный рефлекс к подавлению соперника в схватке за личное верховенство. Борьба за богатство оживила звериные инстинкты. Усилив их аппетиты, обогатила разнообразием в средствах достижении целей.

По этим причинам порождение классов в человеческом сообществе – это не прогресс homo-sapiens. Напротив, это срыв его к животности, хищности, жестокости. Труды Б.Ф. Поршнева и Б.А. Диденко о «видовой неоднородности человечества» доказывают это с научной точностью, а события наших либеральных реформ подтверждают сие практически. Ученые отвлеченно спорят о марксизме, о двойственной /по Платону/ природе человека и не заметили, что эти реформы свернули шею ***человечности***, окунув ее в мерзости ***животной свары***.

Эти мерзости в завуалированной форме случались и раньше. Были у нас, например, диссиденты – спорили с властями о демократии, другие в это время защищали околонаучные диссертации ради званий и чинов. Но с Гайдара-Чубайса и кровавого Ельцина все поля обитания окрасились преступностью и кровью, придав пороку вид естественности и законности.

История временами устраивает проверку человека на человечность: войны, революции, природные катаклизмы. Из чего видно, по Гегелю, что становление человека не линейный процесс, а ***диалектический***: с прямыми и кружными ходами, подъемами и падениями, размеренным и ускоренным течением, т. е. ***спиралевидный процесс***. И естественно, в нем есть

закрепившиеся долголетиями и лихолетьями следы, отразившиеся в закромах человеческих чувств и эмоций, являющиеся предпосылками очередных взлетов и падений, чего начисто не понимают наши ряженые или самопровозглашенные марксисты. Это говорит лишь о том, что наука для многих была лестницей наверх, а не дорогой к истине.

14. Но идем дальше. А дальше пошла история вызревания и смен общественно-экономических формаций /**рабовладение, феодализм, капитализм**/, где одни классы сменялись другими. И ***экономическое*** господство одних позволяло им добиваться и до поры до времени удерживать и ***политическое*** господство над другими. Безудержные захваты через войны, колонизацию народов, считавшиеся вполне правоверными, а также хищническая эксплуатация труда своих соплеменников набирали высоту и достигали таких крайностей, что людям в определенные моменты становилось невмоготу. Тогда наступал взрыв.

Величайший был от Спартака. Мы знаем, чем он закончился. Километрами виселиц и распятий. В новое время, когда тысячелетние подвижки сменились на алгоритм столетий, полной противоположностью Спартаку /по методу протеста и трагизму борьбы/ явился Христос, который понял разъедающее действие богатства и занялся миссионерским поучением людей. Святая простота!! Довольно скоро его духовные наследники и продолжатели /как и марксисты-ленинцы в нашем примере/ сумели приспособить его учение к своим нуждам и устроить себе благостное царствие. Давно известно, что иерархи церкви, как и члены всяческих политбюро, верят в бога и другие догмы меньше, чем паства.

15. Подлинное освобождение трудящихся наступает с победой социалистической революции. С неё же – взятия власти пролетариатом – обозначается **второй переходный период**. По историческому содержанию, это такая же ***коренная ломка изжитых производственных отношений***, как в древности, только в обратном направлении: от частной собственности к *общественной*, от классовой структуры к *бесклассовой*. В нашем примере он длился с 1917 по 1961 гг., до принятия Программы XXII съезда КПСС.

С его окончанием происходит смена диктатуры класса *общенародным государством*, с последующим переходом общества к *самоуправлению*, т. е. к отмиранию государства как такового. Государство становится ненужным, и от управления людьми люди переходят к «управлению вещами и производственными

процессами», к научно-техническому регулированию воспроизводства и гармонизации общественной жизни.

В процессе развития установившегося социализма, когда средства производства находятся в руках всего общества, устранена эксплуатация и обретено социальное равенство людей независимо от их административной, трудовой, национальной принадлежности, реализуется право на труд, образование, должностной рост, возможность менять профессию, место жительства, увлечения. Тем самым достигается полная свобода и демократия для всех членов общества с целью универсального их развития, приложения в труде всех физических и умственных дарований для достижения наилучших результатов с меньшим напряжением и в радости.

По историческому значению, социализм – это стирание **социального разделения труда**, возникшего в древности на стадии варварства, ликвидация пожизненной привязки человека к одному из видов его, свобода переходить из одной разновидности и специализации в другие, развивая при этом все, даже неведомые ранее позитивные наклонности и дарования.

16. Далее, по мере вступления общества в развитой коммунизм, который затем познает *свои* градации и критерии, наступает планомерная универсализация производства и общественной жизни, которая подвергнет стиранию древнейшую стадию природного, *по полу и возрасту,* разделения труда.

Никакого парадокса здесь нет: просто изменится самый труд. Ибо физический, он будет передан машинам, а умственный и, в особенности, творческий не знает возрастов. Дети, как известно, самый творческий народ, и только правка воспитанием и образованием под нужды «современности» превращает их в инвалидов по отношению к заложенным возможностям.

Каким образом мог бы осуществиться такой переход?

Революционный переход от капитализма к социализму осуществляет пролетариат. От социализма к коммунизму – его исторический преемник в лице новаторского /изобретатели и рационализаторы/ движения, которое развивает те самые средства производства, которые в социалистическом преобразовании обобществляет пролетариат. Нам остается только поставить интеллектуальное творчество трудящихся на поток.

17. Сделать это нетрудно. Правителям страны не раз предлагалось: давайте платить изобретателю и рационализатору за внедренную к использованию идею не гонорар, как при капитализме, не премию, как при социализме, а ***частичное,***

относительно постоянное денежное отчисление от экономического эффекта предложения, постоянное до тех пор, пока идея приносит доход. Чтобы идея, таким образом, ***не*** отчуждалась от автора, а обращалась поддержкой ему в творческой поисковой работе.

Естественно тогда человек будет заинтересован в углублении своих знаний, разработке и подаче более фундаментальных и эффективных идей. При этом принятые разработки могут быть распространены к применению и на других предприятиях, что выгодно и автору, и стране.

Со временем, когда новатор, наращивая творческую активность, сможет жить на средства от действующих разработок, его, очевидно, последует вообще освободить от сменной занятости на предприятии, с правом свободного самостоятельного его посещения. Это позволит человеку бесконечно развивать свой кругозор и научную вооруженность в творчестве.

Благодаря этому освобождение новатора с конкретного предприятия предполагает также, по мандату новатора, его столь же свободный доступ ко многим другим предприятиям по городу, стране, свободный обмен и кооперацию с другими творцами. На базе вузов при этом будет полезным организовать консультационные пункты. Все это подтолкнет к резкому повышению производительности труда и выходу страны на новые рубежи.

Мало того, это повышение будет создавать избыток рабочей силы.

Капитализм увольняет избыточную рабочую силу. Мы пойдем другим путем. На предприятиях будет оставаться то же количество рабочих и служащих, но разведены они будут на большее количество смен. И тогда занятость их будет не по 8 часов в 3 смены, не по 6 часов в 4 смены, а по 4 часа в 6 смен, по 3 часа в 8 смен с последующим сокращением и количества рабочих дней в неделю. А это увеличение свободного времени приведет к тому, что и другие люди будут вливаться в ряды рационализаторов и изобретателей, превращаясь из тягловой силы производства в его творцов.

Орудийное творчество, следовательно, постепенно превратится во всеобщую деятельность, а место физического труда займут физкультура и спорт, возникшие еще в рабовладельческом мире как культура для богатых, в виде компенсации тех физических трат, которые с избытком возложены на рабов. Физический и духовный облик человека, таким образом, преобразятся и получат новый взлет в своих

человеческих качествах.

18. Но, увы! Не время греметь в фанфары. Пока мы искали пути обновления СССР, либеральные выдвиженцы разнесли его вдребезги.

Были в XX веке два мира: капиталистический и социалистический. Теперь остался один: капиталистический, т. е. мир, где правят потребители и угнетатели в полной уверенности в своей избранности и безнаказанности, а созидатели и творцы, удовлетворяясь дозированной кормежкой, работают на пополнение их сейфов, банков, кладовых. Мир привык к этому с ранних пор рабства. Хотя порядок этот несправедлив и потому не вечен.

Обновление общественной жизни, начатое в 1917-м в России, порушено. Коммунистические партии почти всюду прекратили свое существование, либо изменились до карикатурности. Мир вернулся к исходной потребительской парадигме паразитов и хищников, ведущей к гибели не только цивилизацию, но и всю планету. Люди еще терпят, но природа уже не справляется с их аппетитами. Проще сказать, с обрушением СССР речь идет уже не о прогрессе, а о ***спасении*** человечества.

Как водится, взглядов на прошлое и будущее – великое множество. Субъективистские подходы заполонили печать и ТВ всюду, не ведая ни меры, ни совести, ни чести. Но спасти нас может только подлинный марксизм-ленинизм. Не тот, что в учебниках советского времени – менторски-догматический, а авторский – от Маркса, Энгельса, Ленина, который, будучи доказательной базой к истине, подвергся умышленному извращению Сталиным и его последующими продолжателями, от генсеков до придворных сочинителей в лице докторов и академиков.

Если Маркс, Энгельс, Ленин были свободны от личностной потребительской мотивации в своих научных поисках, как и многие в истории наук, то Сталин оказался в эпицентре борьбы претендентов на власть и не устоял от искушения личных амбиций. Диктатура пролетариата, успешно приведенная Лениным к победе, постепенно оказалась прибранной им к рукам, что позволило ему монополизировать надстройку и управление, подвергая расправам несогласных и соперников.

19. Если выразиться конспективно, процесс обретения исторической справедливости складывался из революционного слома классового господства капиталистов и установления диктатуры пролетариата для подавления их сопротивления,

которое требовало немного времени, а далее – обобществления собственности и организации производства в интересах трудящихся. На это собственно и отводился ***переходный*** к социализму период, в рамках которого: а) устранялась ***частная*** собственность на средства производства, б) соответственно, отметалось ***классовое*** деление общества, в) устанавливалась ***неклассовая*** надстройка.

Но Сталин изменил четкому ленинскому плану, отверг его реализацию, отказавшись от идеи бесклассового общества во имя сохранения диктатуры пролетариата с целью личного всесилия и всевластия. Он задержал, таким образом, наступление социализма. А тут еще вмешались мировая и Великая Отечественная войны.

Все это обернулось стагнацией развития общества и невниманием к человеку, без чего и свободы реализации его талантов просто невозможен переход к высшей фазе коммунизма по принципу: каждый по способности.

Хрущеву следовало заострить внимание не на культе личности Сталина, поскольку он скончался, а восстановить марксистско-ленинскую концепцию в ее первозданности. И нацелить науку сделать следующий шаг – к диалектико-материалистическому пониманию ***Человека***, – чтобы вооружить общество заключенными в нем силами и талантами.

20. Но движимый крестьянским благодушием, Хрущев не обладал добротным научным знанием. И его спонтанное разоблачение Сталина обернулось долгой брежневской стагнацией общества, где каждый следующий генсек был вынужден исправлять проделки предшественника, накручивая при этом свои, пока вдруг не свалился на нас отличник всех перестроек Михаил Горбачев.

Доброта, как известно, хуже воровства. Засеянная семенами добрых пожеланий площадка перестройки вскоре проросла сорняками и зубами всяческих драконов. А вопрос стоял проще: ***классы мы или не классы***? Выполнили мы ленинскую программу или… ***она выполнилась сама***?

Исторически, если классы не уничтожаются по чьей-либо воле, во взаимной борьбе, они отмирают сами, как это и бывало не раз в предшествующих формациях.

С рубежа, когда мы победили фашистскую Германию объединенными, *без различия наций, классов и слоев*, силами, классы у нас перестали быть. Тем доказала свою жизненность новая историческая общность людей *советский народ*. Но упертая политическая надстройка продолжала эксплуатировать

привычные названия классов, хотя давно они у нас были фиктивные: не по борьбе между собой или с кем-то, а в качестве взаимно дополняющих друг друга слоев при сохраняющемся разделении труда.

Надстройка, по сути, сама себя разоблачала каждодневно: говорила о классах и классовой борьбе и одновременно о социальном единстве народа. Люди ходили на работу, на демонстрации, отдыхали в санаториях и домах отдыха, путешествовали по горам, весям и морям – все были из разных слоев и групп, и ни у кого не возникало вопроса о социальной принадлежности или совместимости. Все дружили, и даже национальные различия, оборачивавшиеся языковым барьером или предрассудками, преодолевались сговорчивостью на русском языке, но никак не ненавистью.

Это было наилучшим обретением социализма и доказательством его наличия. Поэтому все так называемые «новые коммунисты», жаждущие вновь воцариться в надстройку, вместо того, чтобы бороться против навязанного либералами обмана и поменять ее на «государство без политики» /т. е. просто с научно-техническим управлением производством/ достойны перепрофилирования из партии в клубы по изучению марксизма.

Короче, нужна была не перестройка всего общества, а удаление идеологии и политики из государственной надстройки и переход от управления людьми к управлению вещами и технологиями.

То творчество, которое подавлялось идеологической диктатурой КПСС, при упразднении ее сразу получило бы широкий простор. Людей со светлым созидательным видением не очень много, но прозрение, которое они дают обществу, несравнимо с тем потребительским настроем, которое прогибает жизнь беспрерывно. Весь ум человечества заключен в этой категории людей, тогда как другие просто подчиняются желудку. Неважно, в какой форме: через карьеру, ревностное служение, показную преданность или лживость, хищность, продажность.

21. Элементами надстройки являются: ***политика, право, мораль, наука, религия, искусство, эстетика.*** Семь разной значимости элементов, порой питающих друг друга, как например религия и искусство, политика и религия, столетиями. При этом если строй общества меняется революцией, то порядки в надстройке – через бюрократические подвижки.

Политика как руководство «классами» при отсутствии классов есть нонсенс, и при движении общества к коммунизму подлежит упразднению. Она естественно сохраняется на внешнем

фронте, в межгосударственных отношениях. Идейная целостность поддерживается при этом не идеологией в ее вульгарном виде, а постоянно развиваемой наукой. С религией борются не взрывами церквей, а просветительской работой, с сохранением морального права граждан исповедовать любую или не исповедовать никакой религии, с защитой этого права от внешнего давления как со стороны государства, так и самой религии.

Нынешняя надстройка – псевдоклассовая. Ни пролетарская, ни крестьянская, ни буржуазная. Произошла смена с перекрашиванием ***элит*** с целью овладения потоками финансирования, владения и распределения при образовавшейся бесхозности в экономическом базисе. Она строится под диктовку номенклатурного блока, где нет места творчеству. И народу – тоже нет места. Он приглашается только на выборы и референдумы. Все другие его выступления дезавуируются. А поэтому нужно удалить из надстройки политику как наследие прежних антагонистических формаций. И сделать общество не сонмищем бесконечно сменяющих друг друга расчетливых выдвиженцев, а содружеством свободных членов свободного общества.

Мы вышли из животных, и только те из нас, которым раскрытие способностей и дарований представляется смыслом их жизни, заслуживают высокого звания Человек. Не по правительственной субординации, учености или воинскому званию, а по созидательной направленности принятых на себя целей. Но чаще всего именно потребители отодвигают с руководящих постов подлинных созидателей, захватывая позиции номенклатурных должностей. И изменить это не представляется возможным.

Поэтому единственный путь к оздоровлению общества – не борьба каждого с каждым в конкурентной борьбе за признание или выдвижение, а ликвидация надстройки с ее ценностными критериями по проекту Маркса-Энгельса-Ленина. Пока гений пробьет себе дорогу, бездарь успевает выслужиться. Людей нельзя переделать вмиг, и именно поэтому тратится много сил и кладется жертв. Именно поэтому нужно устранить идеологию и политику из надстройки, срезать номенклатурные мотивы и личностные установки, построенные на карьерных вожделениях.

Разумеется, нельзя вмиг отменить ступени роста, уровни положений, выработанный уклад управленческой системы. Но при всех назначениях необходимо определять личностный посыл субъекта: созидатель он по своим установкам или потребитель, жаждущий должности и престижа.

Срезать антинаучную часть номенклатуры, готовую при

всяком кризисе предавать все истины, если они не согласуются с личными расчетами, – вот смысл устранения идеологии и политики из надстройки, перехода к прямому самоуправлению общества.